

НИКОЛАЙ ЛУТЮК

ДВАЖДЫ ВОСКРЕСШИЙ

РАССКАЗ

Шёл двадцать первый день Великой Отечественной войны.

Молодая луна едва проглядывалась в закопчённом небе. Два подростка, пугливо оглядываясь и прислушиваясь, словно тени, продвигались к трём виселицам, стоявшим у здания бывшего сельского совета.

— Вася, придерживай дядю Петю, — прошептал Александр, подойдя вплотную к казнённым, — я сейчас обрежу верёвку.

Достав из-за голенища сапога кусок хорошо наточенной косы, он встал на принесённую самодельную деревянную стремянку, выпрямился и попытался перерезать натянутую, как струна, влажную пеньковую верёвку. Коса скользнула и поранила ладонь.

— Ой! — вскрикнул Александр и тут же притих, обхватив руками дядю Петю. Ему показалось, что его вскрик услышали на другом конце деревни.

— Саня, что ты прилип к нему? Давай быстрее режь, пока полицаи спят, — прошептал Василий.

Трясущимися руками Александр повторил попытку перерезать верёвку. На этот раз у него получилось. Парубки затаились. Прислушались. Тишина. Подняв одеревенелое тело, пошли огородами в сторону колхозного двора.

— Сань, стой, я устал. Может, здесь и похороним? — взмолился Василий.

— Я тоже устал, — признался двоюродный брат. — Копаем яму в этом месте.

ЛУТЮК Николай Александрович родился в 1948 году. Полковник в отставке, отмечен правительственными наградами. Автор сборника рассказов о подвигах советских солдат в Великую Отечественную войну и в вооружённых конфликтах на территории других стран "Непобеждённые". Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

Вскоре тела трёх казнённых были перенесены к колхозному двору. Александр снял из-за спины привязанную лопату с укороченным черенком. Без передышки, передавая друг другу инструмент, копали подростки, благо грунт оказался песчаным.

Восход солнца застал их, когда они уже заровняли место упокоения односельчан. Неподалёку спрятали лопату и самодельный нож. Александр, отряхнувшись от песка, посмотрел на могилу, перекрестился и прошептал:

— Спите с миром, дядьки, пусть земля вам будет пухом. Простите нас и прощайте.

Василий добавил:

— Кажется, успели. Давай по домам...

Около восьми часов в центре деревни послышались автоматные очереди и лающие немецкие крики. Вскоре полицаи под плач детей и причитание женщин сгоняли население в центр маленькой деревни Дитинец, затерявшейся в полесских лесах.

Ещё свежа была в памяти людей казнь сельчан, произошедшая четыре дня назад. Тогда жителей согнали к сельсовету, к трём виселицам. Рядом, на телеге, лежало тело убитого немецкого солдата. Перед женщинами, детьми, стариками встал немец-офицер. Он громко выкрикнул:

— Партизанэн убили немецкий зольдат! За каждый немецкий зольдат путем фешать три партизанэн.

Затем он ткнул пальцем в грудь троих уже престарелых мужчин и рявкнул:

— Ду! Ду! Ду! Партизанэн! Фешать!

Люди заволновались, задвигались, пытаясь собой заслонить несчастных, однако очереди из автоматов остудили их порыв. Выхватив мужчин из толпы, под плач и причитания женщин, полицаи повели их к виселицам. На грудь каждому приговорённому к повешению прикрепили дощечку с надписью: “Партизан”.

Когда надели петлю на шею дяди Пети, тот крикнул:

— Простите меня, люди!

В то же мгновение полицаи столкнул его с телеги. Двое других приняли смерть молча.

В толпе раздались крики, рыдания, несколько женщин потеряли сознание, а немец продолжал горланить:

— Кто путет помогайт партизанэн, путем фешать! Кто путет снять партизанэн, путет стреляйт! — И он изобразил, как это будет, водя автоматом из стороны в сторону, издавая ртом звуки: — Пук, пук, пук, — затем, выкрикнул: — Поняль?! Пшоль фон!

Люди на площади замерли в оцепенении, однако после нескольких автоматных очередей над их головами в испуге стали расходиться.

Первые сутки казнённых охранял немецкий солдат, двое следующих — полицаи, на четвёртый день охрану сняли.

— Зачем нас обратно гонят на площадь? Зачем? — не понимали люди, но увидев на виселицах качаемые ветром куски обрезанных верёвок, молча крестились.

Старший полицаи вышел вперёд и, указывая на пустые виселицы, крикнул:

— Герр обер-лейтенант спрашивает, кто это сделал.

Люди молчали. Немецкий офицер подозвал старшего полицаю, что-то ему сказал, после чего тот громко отдал команду:

— Всем стать в одну шеренгу и выставить вперёд руки, развернув их ладонями вверх!

Люди не понимали, зачем это, но послушно выполнили распоряжение. Полицаи шёл вдоль шеренги и проверял руки.

Пелагея, проводившая мужа и сына на фронт и не имевшая от них весточки, заслонила собой маленького, Саню, однако полицейский, проверив руки женщины и не обнаружив на них ничего подозрительного, грубо оттолкнул её и, схватив подростка за руку, сквозь зубы прошипел:

— Руки!

Спустя какое-то время перед немецким офицером стоял подросток и две женщины с порезами на руках. Ткнув пальцем в грудь Александра, немец заорал:

— Партизанэн?!

Из толпы выскочила Сашина мама и, упав перед немцем на колени, взмолилась:

— Герр немец, какой же он партизан? Он ребёнок. Отпустите его, герр немец!

Немец толкнул женщину ногой:

— Фон! — Повернувшись к старшему полицейскому, распорядился: — Партизанэн расстреляйт!

Двое полицейских вели приговорённых к смерти в сторону колхозного двора. И тут у Александра созрела мысль: “Как только выйдем за дома, там сады, дальше лес — удеру, а пока они будут гнаться за мной, убегут и женщины”.

— Стоять! — проорал полицейский.

В следующее мгновение прозвучали два выстрела, и парнишка, получив удар в левое плечо, повалился на землю. Он ощутил невыносимую боль и услышал ещё два глухих хлопка. Потом как бы издадала голос одного из полицейских:

— Слушай, Сеня, давай сделаем ещё по одному выстрелу, чтобы наверняка.

— Отстань, Грыцько, и так грех на душу взяли — своих же расстреляли.

Александр долго пролежал в беспамятстве. Ночью ему показалось, как будто что-то шершавое и холодное прикоснулось к его щеке. “Значит, я жив”, — подумал он и открыл глаза. Над ним стоял его любимый пёс.

— Шарик, — произнёс Александр, шевельнулся, и снова от боли провалился в темноту. Потом он вновь пришёл в себя и пополз в сторону леса, пока были силы. Опять темнота. Так повторялось несколько раз...

Окровавленного и обессилевшего подростка на вторые сутки в лесу подобрала партизаны, вылечили и оставили в отряде. Саша стал разведчиком, затем за умение метко стрелять ему выдали винтовку — так он стал полноценным партизаном. Подросток вытянулся в росте, возмужал, из Саньки превратился в Александра. На его счету были два убитых германских офицера и пять солдат. Однажды вошёл его отряд в родную деревню, там партизаны уничтожили полицейскую комендатуру.

Два года в полесских лесах боролись с фашистской нечистью, а на третий отряд соединился с Красной армией. Партизаны прошли проверку органами “Смерш”. Старшие возрастом, тяжелораненые, покалеченные отправлены домой к семьям, несколько человек были задержаны “до выяснения”, а пригодные к службе, в том числе и Александр, стали стрелками одного из формируемых подразделений. Со временем ему присвоили звание младшего сержанта, назначили снайпером. Прошло время, и на прикладе его винтовки появилось двадцать семь вырезанных ножом зарубок — число убитых фашистских офицеров и солдат.

Часть, где служил Александр, стояла в обороне на польской границе, готовясь к наступлению. В один из дней на их участке появился немецкий снайпер, который убивал советских военных, особенно офицеров.

Александра вызвали в штаб полка, размещённый в небольшом белостенном домике в саду.

Несмело переступив порог, юноша увидел в клубах табачного дыма нескольких офицеров. Они стояли перед седым, с чёрными уставшими глазами, усатым полковником, сидевшим в торце стола.

От неожиданности Александр замешкался, хотел доложить о прибытии, но его опередил усач:

— Сержант, на нашем участке обороны у немцев появился снайпер. Головы не даёт поднять, сволочь! Мне доложили, что ты толковый снайпер.

— Так точно, товарищ комдив, он лучший, — вставил подполковник.

— Так вот, сержант, твоё задание — обезвредить его.

— Есть! Разрешите идти?

— Давай, сержант. Постарайся, браток.

Ночь была морозной. Полная яркая луна освещала всё окрест, порождая причудливые тени. Аккуратно застегнув белый маскхалат, надев на лицо самодельную тряпичную маску, а на руки — меховые рукавицы, взяв любимую трёхлинейку, обмотанную белой материей, младший сержант тенью скользнул из траншеи в искристый снег.

Второй час снайпер неподвижно лежал за поваленным деревом, внимательно всматриваясь в две ели, одиноко скучающие на опушке леса. От напряжения и мороза ему казалось, что воздух звенит. Сержант ощущал, как холод исподволь залезает под одежду, пощипывает лицо и руки.

Пошевелил деревенеющими пальцами, снял рукавицы и осторожно потёр рукой об руку, разогревая конечности. Поудобней устроил винтовку, припал к оптическому прицелу. Ели сразу выросли в размерах, на их лапчатых зелёных ветках он даже рассмотрел коричневые шишки.

— На которой немец? — Александр внимательно посмотрел на левую ель. — Эта просвечивается. Значит, всё внимание на другую.

Солнце неожиданно, словно луч прожектора, побежало по снегу, скользнуло по веткам елей-сестёр и помчалось дальше, словно поджигая верхушки густого леса.

До рези в глазах всматривался младший сержант в ветки стройной густой красавицы. Ничего не указывало на то, что там затаился снайпер. “Неужели я в этот раз ошибся? — мучила мысль. — Прошло полчаса после восхода солнца, и никакого движения”.

— Что это? — Среди веток ели он заметил блик. Александр напряг зрение. “Нет, показалось. Наверное, от усталости и мороза”. Хотел отстраниться от прицела, как опять появился блеск. “Значит, я не ошибся. Спасибо тебе, солнце, ты на моей стороне”. Палец лёг на спусковой крючок, и в это же время легонько шелохнулась одна из веток. Александр затаил дыхание, всматриваясь. Мгновение, и блик повторился. Младший сержант медленно нажал на спусковой крючок. Выстрела он не услышал, только ощутил лёгкий толчок в плечо и увидел, как, ломая ветки, на снег падал сражённый его пулей враг. На дальнейшие смотрины времени не оставалось. Быстро переполз на новое, заранее подготовленное место засады. Теперь можно было посмотреть на противника. Немец лежал, раскинув руки в стороны, а на нижней ветке ели покачивалась его снайперская винтовка.

А потом застонала земля от разрывов вражеских снарядов...

С того задания он не вернулся; был зачислен командованием в списки погибших. На родину полетело извещение: “Ваш сын погиб в бою за социалистическую Родину, верный военной присяге проявил героизм и мужество”. Мать, получив похоронку, во второй раз оплакала смерть любимого Сашеньки.

...Александр почудилось, что ему очень тепло, и он в старых полотняных штанах с высоко закатанными штанинами, голым торсом и с полотняной самодельной сумкой через плечо идёт “печеровать” — добывать руками раков из пещер, образовавшихся среди корней деревьев по берегам пруда... Пруд с роскошными ивами, ниспадающими своими ветками в воду, был рядом, и в его тёплой, парной воде среди корней ждут они, тёмно-коричневые, с выпученными глазами и большими клешнями, сказочные чудища. Почему-то так хочется пить...

Он сделал попытку облизать пересохшие, оледенелые губы и от боли пришёл в себя. Я живой. Но почему я лежу? Сделал попытку пошевелить руками и ногами, застонал и снова провалился в беспамятство.

Но случилось невероятное. Один из бойцов похоронной команды присел на, как ему показалось, труп и, почувствовав, что в искромсанном осколками солдате теплится жизнь, вскочил и сказал товарищу:

— Этот живой!

Другой ответил:

— Посмотри на него: лужа крови и куча мяса. Здесь таких много.

Но первый настаивал:

— Передадим в санбат, совесть будет чиста.

Александр слышал разговор, хотелось кричать: “Я жив!” — но ответить не мог: у него была раздроблена нижняя челюсть, а ещё разорваны предплечье левой руки и нижняя часть правой, повреждены оба коленных сустава.

Так он оказался в военном госпитале. Документов при нём не было, снайперы при выходе на боевые позиции сдавали командирам всё: документы, награды, значки, звёздочки с головных уборов. И лишь через два с половиной месяца он прошептал свою фамилию и номер части, а потом и домашний адрес.

Спустя три месяца мать получила солдатский треугольник. Подписан аккуратным женским почерком одной из медсестёр госпиталя. Она рухнула на лавку: “От кого письмо? Неужели Никифор или Степан...?” Слёзы залили и до того плохо видящие глаза. Попросила почтальонку:

— Доню, открой, прочитай.

Девушка вскрыла солдатский треугольник и начала читать.

Мать вскрикнула:

— Спасибо тебе, Боже! Ты есть, Ты услышал мои молитвы. Сохранил мне сына, моего Санька!..

После победы бывший снайпер продолжал служить помощником военного коменданта одного из небольших воинских гарнизонов на территории земли Бранденбург, а через два года, награждённый орденом Славы третьей степени, двумя медалями “За отвагу” и другими наградами, уволился в запас.

Не успел Александр закрыть за собой калитку родного двора, как у него на шею повисла мама, которая, ожидая сына, давно уже выплакала свои когда-то голубые глаза:

— Сынку! — простионала она и потеряла сознание.

Александр поднял маму на руки и понёс к горнице. На пороге с руками, открытыми для объятий, стоял седой, словно лунь, отец...